

ПАТРИАРХ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**Николай Иосифович Конрад
(1891 – 1970)**

М.Б. Ефимов

Впервые эту непривычную немецкую фамилию я услышал задолго до поступления в Московский институт востоковедения (МИВ). Так распорядилась судьба, что в 1943 году я стал невольным участником смелого педагогического эксперимента: в одной из столичных школ, расположенной в Лефортово, решили с седьмого класса начать преподавать японский язык. Увлечённый восточной романтикой – самураями, рикшами, гейшами и джиу-джицу, я решил перевестись в эту школу, хотя дорога от дома увеличилась с пяти до сорока пяти минут.

Первое знакомство с японским языком было несколько отравлено необходимостью зубрить наизусть иероглифы, но, в конце концов, эксперимент закончился удачно, и я получил аттестат, в котором в графе «иностранный язык» стоял «японский» с отличной оценкой. Это обстоятельство сразу же определило окончательный выбор дальнейшего жизненного пути.

Нас было только двое выпускников 411-й школы со «знанием» японского языка, которые подали документы в МИВ. Я ставлю кавычки, потому что за три школьных года мы едва-едва освоили только азы. Тем не менее, приёмная комиссия вынуждена была устроить нам вступительный экзамен по тому иностранному языку, который значился у нас в аттестате. Мы оба получили на руки экзаменационные листы и домашний адрес нашего экзаменатора.

Дверь нам открыла вежливая обаятельная женщина с большими голубыми глазами. Это была Анна Евгеньевна Глускина - известный советский японовед, автор первого оригинального перевода на русский язык японской поэтической антологии VII-VIII веков «Манъёсю», которому она посвятила почти четверть века.

Анна Евгеньевна честно призналась, что находится в стеснительном положении, так как никогда не принимала вступительных экзаменов, тем более по японскому языку.

Потом она подвела нас к большому застеклённому книжному шкафу, на полках которого стояли сплошь японские книги.

- Мальчики, покажите, какие иероглифы вы узнаете.

Мы наперебой стали тыкать пальцами, демонстрируя свои скудные познания. Это действие продолжалось недолго. Не очень строгий экзаменатор выставил нам по «пятерке» и на прощание сказала:

- Надеюсь, что через пять лет вы сможете даже читать эти книги. И, вообще, запомните на всю жизнь этот день. Свой первый шаг в японоведение вы сделали в квартире, где живёт Николай Иосифович Конрад, который для всех нас является Учителем и мы с полным основанием называем его «сэнсэй».

Вскоре состоялось и личное знакомство с этим необыкновенным человеком.

На всю жизнь запомнилось его первое появление в маленькой аудитории, которая размещалась в деревянной пристройке рядом с кирпичным зданием института. Едва отзвенел звонок к началу занятий, появился Он - высокий, лёгкий, подвижный, большелобый, улыбчивый, с ухоженными, аккуратно подстриженными усиками. Николай Иосифович не любил сидеть за преподавательским столом и быстро ходил перед студентами, увлечённо рассказывая о далёкой и интересной стране, которую знал и любил. Иногда он подбегал к доске и быстро рисовал иероглифы, а потом объяснял их смысл и происхождение. Он приучил нас правильно произносить японские слова. Для пущей выразительности Конрад изображал даже кондукторов, объявлявших названия токийских железнодорожных станций. До сих пор звучат в его «исполнении» ставшие такими привычными впоследствии «Хибия» и «Сибуйя».

Н.И.Конрад учил, что русский язык, едва ли не единственный в мире, по своей фонетике очень близок к японскому произношению. Впоследствии я в этом убедился и часто слышал комплименты со стороны японцев. Но моей заслуги в этом никакой не было. Просто на всю жизнь запомнились уроки Учителя, который объяснил нам, как правильно произносить японскую слоговую азбуку и такие сочетания, как «СИ», «ДЗИ», «ТИ». Бедный Николай Иосифович, если бы он слышал сегодня эти бесконечные «ФУДЖИ», «ТОШИБА», «СУШИ-БАР» или «МИЦУБИШИ» и видел бы многочисленные рекламы японских фирм, написанные в переводе с английского и чудовищно звучащие для любого япониста.

Н.И.Конрад, свободно владевший японским и китайским языками, с полным знанием предмета говорил, что выражение «китайская грамота» не совсем точно. Правильнее было бы говорить о чём-то непонятном «японская грамота», поскольку она намного сложнее.

Вообще-то нашему курсу повезло вдвойне: во-первых, потому, что вступительный курс в японскую филологию читал сам Н.И. Конрад - член-корреспондент Академии Наук, профессор, создатель своей востоковедческой школы, а, во-вторых, что мы были едва ли не последними, которым он этот курс читал. Конспект его лекций я сохранил на всю жизнь.

Находясь под сильным впечатлением от лекций этого выдающегося преподавателя и испытывая магнетизм его ауры, мы мало, что знали о его биографии кроме громких научных званий и перечня трудов. Ходили разные слухи, да и только.

Много лет спустя я более подробно узнал о «линии жизни» Николая Иосифовича, сплошь состоявшей из переплетения сложных драматических, а порой и трагических узлов.

Он был выходец из остзейских немцев (от *Ostsee* – Балтийское море), появившихся в Прибалтике ещё в XVII веке. Впоследствии их далёкие потомки играли заметную роль в истории России. Достаточно назвать такие имена, как мореплаватель адмирал Ф.Беллинсгаузен, генерал-фельдмаршал М. Барклай-де-Толли, лидер белого движения барон П. Врангель, патриарх Алексей II (Ридигер) и много-много других очень уважаемых и достопочтимых деятелей. К их числу относился и Иосиф Конрад – состоятельный инженер-железнодорожник. В 1891 году в Риге у него и его супруги - дочери священника из Орловской губернии - родился сын Николай.

Трудно сказать, чем притянул к себе мальчика далёкий Восток. Впоследствии он говорил, что дело не в романтике дальних дорог и не в сказках, которые привёз Марко Поло. Видимо основную роль сыграло недавнее поражение России в войне с Японией. Для многих это стало шоком – как никому доселе неизвестный карлик, замкнувшийся на своих

островах, смог одолеть такого гиганта, распростёршего свои владения от Балтийского моря до Тихого океана!

В то время центром отечественного востоковедения по праву считался Петербург. Обучение велось на восточном факультете университета и в Практической восточной академии, которая формально не являлась высшим учебным заведением и находилась в ведении министерства торговли и промышленности, где готовились будущие работники консульской службы и торговых представительств. Н. Конрад был студентом с 1908 по 1912 годы.

Сразу же после окончания учёбы в университете и академии он последующие два года преподавал в Киевском коммерческом институте. В 1914 году Н.И. Конрад отправился в захваченную японцами Корею, которая вошла в состав Японской империи, где занимался этнографическими исследованиями. Результатом этой работы стали «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX–XX веков», опубликованные только семь десятилетий спустя.

Но основное время пребывания в Японии (с 1914 по 1917 гг.) у молодого учёного занимала стажировка в Токийском университете, где он изучал японский и китайские языки, а также классическую литературу и культуру Востока.

В те годы он впервые столкнулся с непримиримыми противоречиями, разделявшими науку и политику. Изучая духовную культуру корейцев, он не мог не заметить, какое влияние оказывает на порабощённый народ диктат японской администрации. Выводы, которые сделал Н.И. Конрад, шли вразрез с устоявшимися взглядами российских востоковедов старой формации, веривших в возможности «чистой» науки, свободной от политики и идеологии.

После возвращения из Японии он остался при Петроградском университете для подготовки к профессорскому званию. Думаю, нет необходимости напоминать, что происходило в этот исторический период в России и в её столице. Бунтующие толпы, стрельба на улицах, крах империи, призывы большевиков, расстрелы, погромы – всё это стало заметными приметами того времени.

Для многих представителей российской интеллигенции тогда встал коренной вопрос: бежать от революции или принять её. Стоял такой вопрос и перед Н. Конрадом, который очень остро переживал происходящее и ощущал приближение катастрофы. Незадолго до своей кончины он вспоминал: «Шел крупнейший в новейшую эпоху исторический процесс всемирного значения. Процесс, как и всякое крупное историческое движение, весьма сложный, весьма острый, влекущий за собой ряд неожиданностей, подъемов и падений, подвигов и преступлений, раскрывающих все трагическое величие великих исторических сдвигов». И всё-таки, Н.И. Конрад принял решение остаться. Более того, он пошёл на службу новому строю.

По просьбе наркоминдела в 1918 году он перевёл на японский язык первый ленинский декрет – «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также обращение советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Он по праву считал, что эти важнейшие документы советской республики позволят японской общественности составить более полную картину о характере нового строя.

В том же году Н. Конрад решает переехать на родину своих предков по материнской линии - в Орёл. Причина такого, на первый взгляд, странного решения была предельно банальна: он спасался от голода. На новом месте Николай Иосифович приступает к совершенно незнакомой для себя работе - он создаёт Орловский пролетарский

университет, где наряду с чисто организационными хлопотами ведёт ещё активную преподавательскую деятельность. Помимо востоковедческих дисциплин он также читает курс «Кризис буржуазной культуры».

Выбор темы был не случаен. Его всегда влекли общие проблемы развития культуры, и с первых шагов он стремился вырваться из ограничительных рамок филологии и литературоведения. Собственно говоря, главным основополагающим принципом создаваемой им школы было всестороннее исследование японского общества – его языка, истории и культуры. Такие же требования он предъявлял к каждому направлению востоковедения. Моё поколение японистов, обучавшихся в МИВе, в полной мере познали, как воплотились в жизнь и педагогическую практику заветы Конрада. Именно в результате его настойчивости мы изучали самые разные аспекты жизни и развития Японии, а, начиная со второго курса, нам дополнительно ввели ещё и китайский язык! Вот тогда мы, действительно, хлебнули лиха.

В 1922 году «Орловский эксперимент» Конрада завершился, и он вернулся в Петроград. К этому времени город не только изменил своё имя, но и лишился столичного статуса. Что касается востоковедческой науки, то здесь сохранились все старые кадры, которые стояли на ортодоксальных позициях и отвергали «новации» московской школы, которая, в основном, занималась изучением проблем национально-освободительного движения в странах современного Востока с позиций марксизма.

Н.И. Конрад, будучи по своему характеру неконфликтным человеком и целиком посвятивший себя науке, остро переживал возникшие розни между двумя – питерским и столичным – направлениями востоковедения. Он был искренне убеждён в том, что бессмысленно заниматься изучением современной Японии или любой другой страны, игнорируя её прошлое, культурные традиции и историю. В то же время он был «белой вороной» в петроградской среде ортодоксальных востоковедов, которые брезгливо игнорировали современные проблемы, целиком сосредоточившись на седой старине. Единственно, в чём сходились представители обоих направлений – это в важности изучения языка.

В 1930-е годы Николай Иосифович активно занимается педагогической деятельностью и, в первую очередь, преподаёт японский язык. Среди его учеников студенты Ленинградского университета и Московского института востоковедения, Географического института и Института Красной Профессуры. Кроме того, в силу возросшей необходимости он начинает работать по подготовке военных переводчиков и участвует в составлении военного японо-русского словаря.

В 1932 году Н. Конрада выдвигают в члены-корреспонденты Академии Наук СССР, но его старшие коллеги – академик-синолог В. Алексеев и академик-арабист И. Крачковский – категорически отвергли его кандидатуру. Конечно, такое решение авторитетных коллег (один из них – В. Алексеев – был его учителем) стало тяжёлым ударом, но Конрад с честью перенёс его. Спустя два года общее собрание Академии Наук всё-таки утвердило его в качестве члена-корреспондента.

В этот период страна постепенно погружалась в ядовитую атмосферу всеобщего недоверия, «шпионобоязни», истерии и террора. Научные дискуссии начинают приобретать характер «охоты на ведьм», а критические статьи – явных доносов. Всё это привело, в конце концов, к полному разгрому отечественного востоковедения.

Профессор Дмитрий Матвеевич Позднеев (1862-1937) – основоположник российской ориенталистики, который ещё в 1897 году представлял Россию на Международном

конгрессе востоковедов в Париже, был тайно расстрелян на Лубянке. Там же и в то же время были уничтожены молодые талантливые японисты Финк и Макаров.

Николай Александрович Невский, учёный от Бога, расшифровавший тангутские рукописи, автор удивительных исследований по филологии редких диалектов, был расстрелян в том же 1937-м, когда ему не исполнилось ещё и 45 лет.

А скольким замечательным людям, вся «вина» которых состояла в том, что они решили изучать труднейший язык соседнего народа, были переломаны жизни и уничтожены их родные и близкие. Они лишились работы, были вынуждены скитаться с малолетними детьми по чужим углам, просто бедствовать. Например, Вера Дмитриевна Поливанова (дочь Д.М. Позднеева) – видный специалист по истории феодальной Японии, не смогла пережить гибель отца и мужа (преподавателя военной академии) и умерла в 1943 году в полной нищете.

А.Е. Глушкина четверть века посвятила переводу первого письменного памятника японской поэзии «Манъёсю». Это был поистине научный подвиг. Тем более, если учесть, что именно на этот период её жизни пришлось арест и казнь мужа, тюремное заточение, ленинградская блокада, в которой она чудом уцелела с двумя детьми, многочисленные лишения, потери близких ей людей и мучительные гонения со стороны властей. Япония оценила её труд высокой государственной наградой – орденом «Благодатное сокровище». Стыдно признать, но даже на организацию её похорон средства выделила японская коммерческая фирма «Искра».

Моим научным руководителем в аспирантуре была Ирина Львовна Иоффе – автор многочисленных литературных переводов, великолепный знаток японского языка. Она тоже не избежала ареста и тюрьмы. Мне часто приходилось ходить к ней домой на консультации. Она жила в военном общежитии (её супруг Наум Павлович Капул – автор единственного в своём роде «Словаря чтений японских имён и фамилий» - был преподавателем в военном институте) в маленькой комнатёнке. Вся библиотека размещалась по существу на полу в коридоре. После каждого посещения своего «сэнсэя» на душе было больно и горько.

В июле 1938 года был арестован и Н.И. Конрад. Чекистские ищейки разоблачили учёного, как японского шпиона. Сохранились фамилии палачей, которые зверски избивали его в Бутырской тюрьме и заставляли часами стоять на вытяжку. Ему устраивали очные ставки с учениками, требуя обвинительных показаний. «Следствие» длилось почти полтора года, и «суд», то бишь Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР, приговорил Н.И. Конрада к пяти годам заключения. Первый год Н.И. Конрад работал на лесоповале под таёжным Канском, который всегда был местом ссылки, начиная с декабристов. Сидели здесь перед революцией и большевики, даже лично Ф.Э. Дзержинский.

Многие учёные, включая президента АН СССР В. Комарова, писали ходатайства с просьбой об освобождении Николая Иосифовича. Повлияли ли эти бумаги на его судьбу или были другие, более веские соображения, но он был переведен в «шарашку», где занимался под приглядом тюремщиков переводом японских и китайских документов. Пока пересматривалось его «дело», он снова оказался в Бутырке, но на этот раз смог там даже заниматься научной работой. В сентябре 1941 года то же самое ОСО выпустило его на свободу. К этому моменту уже третий месяц шла Великая Отечественная война.

После тюрьмы Н.И. Конрад стал преподавать в МИВе, где ему удалось собрать многих своих учеников. Помимо вышеупомянутой А. Глушкиной, там работали ставшая его супругой Н.И. Фельдман (завкафедрой японского языка), доцент Е.Л. Наврон-Войтинская, замечательная переводчица японской поэзии В.Н. Карабинович (Маркова), М.С. Цын и

другие. Мне посчастливилось у них познавать премудрости японского языка и постигать азы востоковедения.

После окончания войны, в 1945 году, Николай Иосифович был удостоен высшей награды страны – ордена Ленина. Многие посчитали это не только как прощение, но и своеобразную форму извинения. Впрочем, советскую власть трудно было заподозрить в излишней сентиментальности. Не прошло и несколько тяжёлых послевоенных лет, в ходе которых страна медленно возвращалась к нормальной жизни, как по инициативе Сталина началась новая разрушительная кампания. Сначала она велась под лозунгом борьбы с космополитизмом, потом переключилась на разоблачение буржуазной сущности генетики, далее впрямую коснулась языкознания и философии, а завершилась масштабными антисемитскими гонениями. Всё это сопровождалось массовыми митингами, идеологическими погромами, арестами и расстрелами.

Вторично пережить такой кошмар Н. Конрад уже не мог. И хотя непосредственно его не коснулся маховик репрессий, в 1950 году он решил прекратить всякую научно-преподавательскую деятельность и уйти на пенсию. Размышляя впоследствии о мотивах своего решения, он напишет: «Мы восстанавливаем подлинное лицо языкознания в нашей стране... окончательно снимаются с наших глаз шоры, которые многие из нас сами на себя надели, неосмотрительно оперируя взглядами то Н.Я. Марра, то И.В. Сталина». Пожалуй, слова «сами на себя надели» таят некоторый элемент лукавства.

Моё поколение помнит, как по всей стране – на заводах и фермах, в театрах и воинских частях, не говоря уж об учебных заведениях, - всюду шла проработка «исторического» труда Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в котором были разгромлены устоявшиеся каноны этой науки и ошельмован крупнейший отечественный учёный-востоковед Н.Я. Марр (1864-1934), которому Вождь приписал все смертные грехи. Что касается нашего института, то мы оказались впереди всех.

Дело было так. После того, как дискуссия (а точнее, поток восторженных материалов по поводу очередного выступления Сталина) стала заканчиваться, газета «Правда» и журнал «Большевик» опубликовали письмо декана дальневосточного факультета МИВа профессора Г.Д. Санжеева, адресованное Иосифу Виссарионовичу, и ответ на него.

Гарма Данцаранович спрашивал, правильно ли он понял ряд положений сталинского труда, касающихся развития территориальных диалектов. Вождь был доброжелателен и лаконичен:

«Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием, так как только вчера передали мне Ваше письмо из аппарата ЦК.

Вы безусловно правильно толкуете мою позицию в вопросе о диалектах.

„Классовые“ диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки».

Надо ли говорить, что после этой переписки даже мы – студенты – ходили гордые за нашу альма-матер. Правда, это чувство было несколько омрачено после того, как в нашем расписании лекций появился новый обязательный предмет «Вопросы языкознания». Я уж не говорю, что вскоре по стране поползла весёлая крамольная песенка на слова Юза Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой учёный, в языкознании познавший толк...».

Впрочем, в те же дни произошла и другая, уже печальная история с нашим преподавателем японского языка М.Ф. Лайне. Он был в солидном возрасте и наконец-то завершил свой многолетний труд, который решил оформить как кандидатскую диссертацию. Поскольку обсуждение на кафедре должно было состояться на следующий день после обнародования «гениального» труда, то наивный Михаил Филиппович за неимением времени на перепечатку вычеркнул в нескольких местах фамилию Марра и вписал от руки вместо неё «Сталин».

Подмена была столь очевидной, что на кафедре вспыхнул жуткий скандал, и диссертацию отклонили. Можно предположить, что и это событие тоже сыграло свою роль в решении Н. Конрада раз и навсегда покинуть стены МИВа.

Но «отшельничество» учёного длилось недолго. В 1951 году он вернулся на работу в Институт востоковедения АН СССР. В это десятилетие Николай Иосифович глубоко погрузился в изучение китайского и японского культурного наследия. В сфере его интересов – древние литературные памятники и творчество классиков Дальнего Востока. Он впервые познакомил русскоязычную аудиторию с целым рядом произведений, составлявших сокровищницу ориенталистики.

Помимо этого Н. Конрад, несмотря на плохое состояние здоровья, много времени и усилий посвящает восстановлению имён в отечественном востоковедении тех своих коллег, которые либо погибли в пучине сталинских репрессий, либо были незаслуженно вычеркнуты из науки. Здесь можно назвать сына Анны Ахматовой – известного ориенталиста Л.Н. Гумилёва. Тот находился ещё в лагере, когда Н. Конрад привлёк его к работе над 10-томной «Всемирной историей».

Талантливый японист В.М. Константинов несколько лет провёл в тюрьме и лагерях, а когда вышел на свободу, обратился за помощью к Конраду, у которого учился за двадцать лет до этого. «Сэнсэй» не остался равнодушным и добился того, чтобы тот смог вернуться в востоковедение.

Особое место в жизни и творчестве Николая Иосифовича занимает Н.А. Невский. Они были почти ровесники и вместе учились на восточном факультете Петербургского университета и в Практической восточной академии. Несколько лет жили вместе в Токио, пока Конрад не вернулся на родину. В 1929 году во время своей второй (и последней!) поездки в Японию он приложил много сил, чтобы уговорить своего друга и коллегу вернуться домой. С этого времени они снова вместе работают в Ленинградском университете и Институте востоковедения АН СССР, мало того, живут в одном доме. В ночь на 4 октября 1937 г. Невский был арестован и через полтора месяца расстрелян вместе с женой-японкой. Арест и гибель Николая Александровича стали тяжелейшим ударом для Конрада, который даже взял его дочь Елену на воспитание, пока его самого не арестовали. Конрад словно чувствовал свою вину за то, что уговорил друга вернуться из Японии.

Он очень много сделал сначала для реабилитации Н.А. Невского, а потом для восстановления его заслуг перед отечественной наукой. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря этим усилиям работы трагически погибшего учёного были удостоены в 1962 году Ленинской премии.

Так получилось, что в конце 50-х годов судьба снова свела меня с Николаем Иосифовичем. Это было очень тяжёлое для японистов время, когда они никому не были нужны. Только что восстановились дипломатические отношения между нашими странами, но не было ни торговли, ни туристического обмена, ни культурного сотрудничества. Мне ещё повезло, что я смог найти работу в академическом институте Точной механики и

вычислительной техники, где разрабатывался первый советский компьютер. Святая святых института располагалась на первом этаже современного здания, куда никого не пускали, и требовался особый пропуск. Огромное помещение было заставлено многочисленными металлическими шкафами с бобинами. Так выглядел отечественный первенец кибернетической техники. Наверное, сейчас такой объём памяти хранится в карманном компьютере.

В этом институте мы вдвоём с коллегой составляли алгоритм машинного перевода с японского языка на русский. Работа шла медленно, но мы с напарником шли в ногу с другими группами, которые параллельно составляли аналогичные программы применительно к английскому, немецкому, русскому и китайскому языкам. И, вот, в какой-то момент директор института академик С. Лебедев поручил нашему руководителю лингвистических работ получить авторитетный отзыв на сотворённую нами программу: насколько она соответствует законам японской грамматики?

На прямой вопрос, кто у нас в стране высший авторитет в области японского языка, я, не колеблясь, назвал фамилию академика Конрада. Ему и был отправлен официальный запрос по каналам Академии Наук.

Спустя несколько месяцев мы совершенно случайно столкнулись с ним в здании МГУ. Я решил воспользоваться моментом и поинтересовался, не получал ли он несколько странную бумагу, касающуюся машинного перевода.

Нужно было знать врождённую интеллигентность этого человека, который больше всего боялся ненароком кого-либо обидеть и старался помочь всякому, обратившемуся к нему с просьбой, чтобы понять, каких трудов ему стоило дать вежливый ответ на мой вопрос.

Он улыбнулся и любезно сказал:

- Да-да, я получил и в рамках своей компетенции написал положительный ответ. Но я вас очень прошу передать своему начальству, чтобы оно впредь избавило меня от этой «машинерии».

На последнем слове он сделал особенное ударение.

Помню, охватившее меня чувство стыда за то, что ненароком заставил выдающегося учёного отвлекаться от интересующих его проблем и заниматься ненужной абракадаброй. И.Л. Иоффе тоже упрекнула меня, сказав, что здоровье у академика в последнее время ухудшилось и его надо беречь, как берегут старое дерево.

В 1958 году Конрад стал действительным членом Академии Наук. Это было признанием его неоспоримых заслуг.

В 60-е годы он увлеченно занимался сравнительным анализом западной и восточной цивилизаций, разрабатывал теорию «восточного ренессанса». Здесь нужно вспомнить такие его работы, как «Полибий и Сыма Цянь», «Шекспир и его эпоха», «Философия китайского Возрождения». Эти и другие работы автор объединил в сборник «Запад и Восток», который вошёл в золотой фонд отечественного востоковедения. Перечисляя его труды, нельзя не вспомнить созданный им «Большой японо-русский словарь», который по сей день является настольной книгой каждого японоведа, и за составление которого он получил в 1972 году посмертно Государственную премию.

Николай Иосифович ушёл из жизни 30 сентября 1970 года. Его заслуги общепризнаны, он награждён орденами СССР и Японии. Он прожил долгую и очень сложную жизнь, испытал триумфы и жестокие унижения. У него не было детей, но осталось много учеников.

Увы, Московский институт востоковедения, в который Н. Конрад вложил много сил, был ликвидирован в 1954 году. Мне повезло: я успел его окончить, и в моём дипломе в графе «специальность» стоит запись, которую теперь не встретишь – «СТРАНОВЕД (Япония)». Нынешний Институт стран Азии и Африки – наследник МИВа – выпускает «референтов-переводчиков», «историков-востоковедов» и тому подобных специалистов. И всё-таки есть все основания утверждать, что заветы нашего патриарха живы. Уже появилось несколько поколений учеников его учеников. В этом контексте хотелось назвать имена тех японистов, которые сами слышали уроки своего учителя и успели передать их. Помимо уже упомянутых я бы включил в их число члена-корреспондента АН СССР С. Арутюнова, профессоров Б. Лаврентьева, В. Рамзеса, И. Латышева, Д. Петрова, В. Кривцова и целый ряд других уважаемых учёных. Уверен, что число «птенцов Конрадовых» будет только расти, как бессмертна сама наука познания Японии.